

ФИЛОСОФИЯ

УДК 81:1+304.2

А.А. Гончарова

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАЭКОЛОГИИ

Статья посвящена осмыслению механизма влияния современных горячих медиатехнологий (в частности социальных сетей) на взаимосвязь языка и мышления. Целью данной статьи является анализ механизма деструктивного влияния социальных сетей на мышление человека через воздействие на язык. Автор, опираясь на теорию Г.М. Маклюэна, делает акцент не на содержание медиа, а непосредственно на средство коммуникации.

Ключевые слова: горячие медиатехнологии; распознавание паттернов; язык; мышление; медиаэкология.

Современные медиа оказывают все более осязаемое влияние на общество в целом и социальные коммуникации в частности. Процесс их интеграции в различные сферы жизни и формирование новой культурно-коммуникационной системы социума носит название «медиазация». Информационный компонент проникает во все другие компоненты культуры, которые способны функционировать независимо от него. Появляется так называемый человек медийный, чье бытие обуславливается содержанием СМИ. Медиазация начинает определять социальные практики в аспекте как формы, так и содержания [1]. Поэтому исследования в данной области приобретают особую актуальность, причем в ней сходятся научные интересы представителей различных наук – философии, социологии, филологии, культурологии, психологии.

Первостепенное значение для всестороннего изучения человека медийного имеют фундаментальные идеи философов и социологов XX в. Одной из отправных точек в исследовании многочисленных проблем этой относительно новой области можно назвать учение Г.М. Маклюэна. В своей работе «Понимание медиа: внешние расширения человека» он утверждал, что средство коммуникации способно определять человеческие действия и контролировать их масштабы, при этом его характер скрыт за содержанием. А содержанием любого средства коммуникации является другое средство коммуникации [2. С. 10–11].

Ученый установил, что горячие средства коммуникации, расширяющие чувства до состояния наполненности данными (или высокой определенности), приходят на смену холодным, стимулирующим пользователя к мышлению и воображению с целью формирования целостной картины на основе небольшой дозы информации. Но состояние высокой определенности порождает фрагментацию, позволяющую человеку справиться с интенсивными переживаниями, тем самым предотвращая истощение нервной системы и причинение ущерба системе ценностей. Поэтому в периоды внедрения новых технологий многие впадают в состояние «психического *rigor mortis* (Окоченение (лат.))» [Там же. С. 28–29].

Стоит отметить, что у человека – современника Маклюэна (данная работа была написана в 1964 г.) – этот механизм работал бесперебойно. Однако нельзя

отрицать, что эволюционирующие технологии коммуникаций предпринимают все более успешные попытки его подавления. Упомянув о горячих технологиях коммуникации, доводящих человека до состояния информационной наполненности и не оставляющих ему возможности ее осмысления с целью восстановления целостной картины, мы сразу находим довольно очевидный пример в современном мире. Разновидность информационно-коммуникационных технологий, развернувшая свою экспансию в последнее десятилетие и именуемая «social media» (нередко встречается и термин «social networks», более соответствующий русскоязычному понятию «социальные сети»), изначально разрабатывалась именно по такому принципу. И, выделяя специфические особенности ее функционирования, мы не можем не допускать, что упомянутый Маклюэном механизм фрагментации современные медиаинженеры научились подавлять.

Человек медийный 10-х гг. XXI в. не впадает в «психическое *rigor mortis*», напротив, он постоянно пребывает в состоянии информационной перегрузки, его нервная система вынуждена непрерывно перерабатывать все возрастающий объем информации, который подается ограниченными порциями (клипами). На данном этапе исследования мы не будем вдаваться в детальное описание влияния этих коммуникационных технологий на систему ценностей, однако тот факт, что традиционным ценностям наносится ущерб (как и предупреждает Маклюэн), мы отрицать не можем. И причина тому – не только и не столько отсутствие модерации контента и перекалывание ответственности за содержание с владельцев социальных медиа и лиц, ими управляющих, на пользователей. Это лишь один из вторичных факторов. Куда более актуальным нам видится выяснение тех оснований, по которым человек медийный становится столь уязвимым, что позволяет коммуникационной технологии, которая должна быть всего лишь инструментом в его руках, разрушать его систему ценностей. И, опираясь на идеи Г.М. Маклюэна, правомерно предположить, что одной из причин является именно возможность современных горячих технологий преодолеть фрагментацию, необходимую для так называемого охлаждения.

Однако вернемся к работе Маклюэна и рассмотрим далее, что происходит с человеком под напором горячей технологии. Процесс взрыва, предотвращая полное разрушение, преобразуется в процесс импловивного сжатия, человек приспосабливается к «расширению самого себя» и сам становится закрытой системой [2. С. 44–51]. А средствами расширения становятся в данном случае средства коммуникации. Они действуют «внезапно», а не «продуманно», взаимодействуют и гибридизируются, выступают источником вечного удивления и не оставляют «возможности их обдумывания» [2. С. 59–60]. Человек переводит себя в иные формы выражения – в информационные системы – и подчиняется тотальной и инклюзивной технологии [Там же. С. 69–71]. Как справедливо отмечает современный исследователь Н. Больц, возникает «тотальность всех охватываемых осознаний», где последовательность заменяется мгновенностью, необходимость в классификациях утрачивается – достаточным становится «распознавание паттернов». Постепенно под влиянием средств расширения сознание «депотенцируется» (т.е. слабеет при взаимодействии с ними) [3]. В результате мы наблюдаем пассивную, подчиненную позицию человека по отношению к медиа и серьезные последствия такого взаимодействия (от регресса мышления к клиповому формату до развития аддикций). И возникает вопрос: почему это становится возможным? В работе Маклюэна подобным антропологическим трансформациям мы находим психофизическое объяснение.

Процесс внедрения новой технологии философ сравнивает с «хирургической операцией на социальном теле при полном пренебрежении к антисептикам». Сама технология воздействует наркотически, усыпляя внимание. А в результате «операции» на отдельном участке «заражается вся система». Изменения выражаются в «сдвигах в чувственных пропорциях психического и социального мировосприятия». И если избежать этих сдвигов или хотя бы взять контроль над ними, можно развить «иммунитет к новым расширениям». А для этого необходимо сосредоточить внимание на самом средстве коммуникации, а не на его содержании [2. С. 75–77]. Поэтому на практике перед нами встает задача выявления способов развития резистентности к воздействиям горячих медиатехнологий в процессе взаимодействия с ними человека. Так, мы подходим к междисциплинарной научной области, известной как медиаэкология.

Ее появление действительно связывают с именем Г.М. Маклюэна, хотя термин ввел в научный оборот Н. Постман, определивший его как научную область, которая изучает, как средства массовой информации влияют на восприятие, понимание, ощущения и ценности человека, а также как взаимодействие человека с медиа облегчает или затрудняет его выживание. Использование термина «экология» подразумевает исследование среды: ее структуры, содержания и влияния на людей. Среду же Н. Постман понимал как сложную систему обмена сообщениями, которая накладывает определенный отпечаток на мышление, чувства и поведение человека [4. Р. 160–168].

Для М. Фуллера медиаэкология – это одновременно и эвфемизм, выражающий распределение информационных ролей в организациях и совместных работах с использованием компьютеров; и направление энвайронментализма, исследующее медиа как относительно стабильное явление человеческой культуры; и учение, где медиа во всех отношениях рассматриваются с точки зрения политики и этики [5. Р. 3–5].

Основная цель медиаэкологии – всестороннее исследование взаимосвязей индивида и медиасреды с целью минимизации негативных эффектов и достижения их продуктивного взаимодействия. Г.М. Маклюэн стремился к освобождению человеческого разума от медиаэкспансии. Однако медиаэкология, как утверждает основатель и первый президент Ассоциации медиаэкологии Л. Стрэйт, – «это нечто большее, чем маклюэнизм». Последователи философа считали, что коммуникационные изменения воздействуют на общество сильнее, чем экономические, и классификация культур на письменную, печатную и электронную не менее актуально, чем выделение традиционного, индустриального и информационного обществ. И одна из главных идей медиаэкологии – рассмотрение медиа как среды, которая способствует сепарации индивида от его естественной среды [6]. Такое расширение спектра проблематики неудивительно, ведь процесс медиатизации затрагивает человеческое бытие на разных уровнях – от индивидуально-личностного до социокультурного.

Представители белорусской школы медиаэкологии В.П. Воробьев и В.А. Степанов характеризуют медиаэкологию как подход, рассматривающий медиа в качестве среды, влияющей на организацию общества, когнитивные процессы, философские и политические взгляды. Медиаэкология сосредоточивается на вопросах социально-психологического взаимодействия человека и общества с информационной средой. На микроуровне ее задача сводится к минимизации деструктивного влияния медиасреды на индивида. На мезоуровне, отталкиваясь от «здорового информационно-когнитивного пространства», она решает задачи развития медиакультуры без ущерба культурному и языковому многообразию. Наконец, на макроуровне основная цель медиаэкологии – «обеспечение коэволюции человека и медиатехнологий» [7].

В данном исследовании мы особое внимание уделим проблемам медиатизации микро- и мезоуровня. В перспективе перед медиаэкологией стоит цель поиска способов выработки «иммунитета» к воздействию горячих технологий социальных сетей для минимизации их негативного влияния. Очевидно, ее реализация будет осуществляться на микроуровне. Однако начать нам необходимо с решения такой задачи, как объяснение закономерности подчинения человека данному пласту медиасреды. Ограничиться микроуровнем мы не можем, поскольку разрушительное воздействие на людей не может осуществляться изолированно, не затрагивая культуру.

Итак, почему социальные сети получают власть над человеком? Отчасти ответ на этот вопрос мы находим в исследовании С. Белкасем и Л.Е. Хаас, которые установили связи между теорией социального

воздействия и программированием. Основная идея теории социального воздействия заключается в том, что человек с большой вероятностью реагирует на социальное воздействие при соблюдении трех условий: сила (т.е. важность группы влияния), непосредственность (т.е. близость группы влияния и человека в момент воздействия) и значимое количество (т.е. размер группы влияния).

Однако современный человек вступает в социальное взаимодействие не только с другими людьми, но и с машинами (программами). Изучение работы алгоритмов, действий по кликам, перемещения человека в пределах социальной сети помогают объяснить взаимоотношения человека и программного обеспечения. Отношения эти двусторонние: человек вступает в социальное взаимодействие с программой, а программа «расширяет» его мысли и чувства. В итоге эта технологическая социализация прототипирует человека. Его «Я» расценивается как параноидальное и неуверенное, ему навязывается необходимость укрепления, которое удовлетворяет его базовые потребности в безопасности, целостности и автономности, что ему якобы и дают социальные сети [8]. Наглядным примером могут послужить технологии таргетинга.

Алгоритм анализирует интересы пользователя, которые он несколько раз продемонстрировал лично: что искал, какие страницы / сообщества посещал, какого рода контенту ставил знаки одобрения (так называемые лайки), какой контент сохранял на свою страницу (делал репост). Принимаются во внимание и время нахождения на той или иной странице, время, затраченное на знакомство с контентом, глубина прокрутки ленты, частота возвратов. На основе этого формируется образ личности этого пользователя, и ему регулярно даются некие рекомендации о том, что ему будет интересно. И уже в специально подобранный материал можно интегрировать предпочтительные смыслы для манипуляции, ведь пользователь, не имея возможности осмыслить поступающую информацию, принимает на веру утверждение, что это – *его* интересы.

Далее, если рассматривать социальные сети как медиасистемы, т.е. совокупности неоднородных средств массовой информации (текстовых, аудиальных, аудиовизуальных), соединенных в единую структуру и образующих единое информационное пространство, следует учесть и наблюдение М. Фуллера. Он задался вопросом: что происходит, когда медиасистемы со всеми их движущими силами и композиционными условиями используются вместе, сталкиваются и приводятся в состояние некой взаимосогласованности? Исследователь пришел к выводу, что каждый элемент, будучи шлюзом в другое медиаизмерение, проходит множество процессов. Все они связаны таким образом, что блокируют, извлекают, удаляют или усиливают возможности того, с чем связаны. Поэтому диапазон онтологических модальностей, возможностей машин строить реальности, бесконечен [5. Р. 109–110]. Иными словами, человек попадает в информационный плен, воздействие на него осуществляется комплексно, и в состоянии высокой определенности под действием многократно усилив-

шегося потенциала медиасистем пользователь не способен из него освободиться.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса следует отметить, что социальные сети относятся к категории экранных медиа. В работе И.И. Волковой и Н.М. Лазутовой найдено отражение проблема деструктивного воздействия последних на аудиторию. Исследователи пришли к выводу, что экранные медиа являются средством создания обратной связи в форме «бессознательного присоединения к эмоциональному посылу», минуя «осознанную интерпретацию событий». Познавательная потребность личности игнорируется, поскольку основной целью таких медиа является не передача знаний, информации, а манипулирование. Они угнетают не только волю человека, но и его «исследовательский рефлекс», что противоречит и этике журналистики, уважающей право общества на истину, и базовым принципам информационной экологии [9]. Затрагивая тему информационной экологии, стоит отметить, что она предполагает защиту человека от морального, психологического и психофизического вреда, который способна нанести информация. Только в данном случае проблема не ограничивается содержанием информации (хотя и его роль отрицать нельзя): вносят свой вклад и вышеупомянутые алгоритмы, создающие благотворную почву для деструктивного воздействия, и моральные установки, принятые в данной медиасреде. Хотя и существует мнение о вытеснении классической журналистики блогосферой и социальными сетями, признавать и допускать это нам бы не хотелось, поскольку подобное может привести к крайне негативным последствиям для общества с точки зрения этики.

Ведь следует учитывать, что медиа в целом, а социальные сети в особенности, нередко используются для разрушения существующей картины мира и создания новой, выгодной инициаторам этого разрушения. И создаваемый в этом случае «информационный вихрь», по наблюдениям К.А. Зорина, не всегда существует сам по себе: он неизбежно вступает во взаимодействие с другими «информационными вихрями», их суммарная интенсивность возрастает, и воздействие на когнитивное пространство усиливается [10].

Выяснив это, мы можем перейти к анализу результатов воздействия среды социальных сетей на человека. Основные направления этого воздействия уже были определены выше: это депотенцирование сознания со стороны горячих медиатехнологий, в том числе обусловленная им трансформация мышления, и ущерб традиционным ценностям.

Проблема влияния медиатехнологий на мышление человека получила рассмотрение, в частности, в работах В.П. Терина, основателя российской медиаэкологической школы и члена международной сети исследователей Ассоциации медиаэкологии. Он описывает процесс понимания сообщений в медиасреде следующим образом. Медиакоммуникации интенсифицируют процесс извлечения информации, что приводит к информационным перегрузкам. В результате восприятие и мышление основываются на механизме распознавания паттернов, поскольку на линейно-последовательное понимание у человека не остается

ни времени, ни психофизиологических возможностей. Понимание текста происходит в режиме восприятия «содержательно обобщающих конфигураций» [11]. Для пояснения следует обратиться к теории распознавания образов.

Человеку свойственна динамическая логика, которая не зависит от его желаний, а существует на уровне инстинкта. Имеется в виду инстинкт к знанию, под действием которого знания накапливаются, культура развивается, а представления человека об окружающем мире становятся ближе к истине. Транслируются знания через язык. И именно взаимосвязь языка и мышления отличает работу мозга человека от работы компьютера, который только распознает предварительно заложенные формулировки (образы), но не осознает их связь с реальным миром [12]. Получается, с одной стороны, ученые на протяжении долгих лет стремятся приблизить уровень искусственного интеллекта к человеческому. С другой стороны, в медиасреде под действием социальных сетей человеческое мышление низводится до уровня машинного.

Итак, в состоянии высокой определенности под воздействием горячих медиатехнологий сознание распознает тексты, но не осмысливает их. Как отмечают С. Белкасем и Л.Е. Хаас, быстрый поток новостей отчасти подпитывается технологическим возбуждением, которое люди склонны испытывать под действием усиливающейся тяги использовать новые приложения и делиться информацией (видео, изображениями текстами); мыслят они при этом как минимум не критически.

Замешательство и утомление, вызываемые у современного человека информацией (это явление также известно как информационное перенасыщение), – одни из признаков информационного контроля. Информационный контроль кроется в секретных компонентах алгоритмов.

Защитой от этого контроля может выступить критическое мышление. Оно должно проявляться не только в отношении источника информации, содержания и формата, но и в отношении непосредственно медиа как среды. Мало иметь доступ к информации, необходимо быть в курсе об экспертных знаниях или точках зрения людей, которые вносят вклад в формирование информационного массива, к которому мы получаем доступ, включающего и веб-страницы, и базы данных, и поисковые алгоритмы, и дизайн. Когда социальная сеть предлагает человеку актуальную тему, тот должен задаваться вопросом: о чем ему недоговаривают, что скрывают, а на чем акцентируют внимание намеренно? [8].

Затрагивая вопросы мышления, нельзя проигнорировать и вопросы языка, ведь эти два явления тесно взаимосвязаны. Как мы уже отмечали, именно эта взаимосвязь отличает человеческий интеллект от искусственного. Человек медийный действительно меняется как языковая личность, как субъект, готовый создавать, транслировать и принимать медийные тексты. Ценность индивидуального языкового мира для него становится вторичной. Медиатизация «разрушает границы персональности», межличностная и массовая коммуникация накладываются друг на друга,

возникает гибридизация устной и письменной речи, невербальная коммуникация вербализуется [13]. И здесь мы снова возвращаемся к теории распознавания образов. Для разрушения динамической логики достаточно разрушить взаимосвязь языка и мышления, а для этого, в свою очередь, требуется вынудить человека отказаться от осознанно-рационального использования языка. Дискредитация его ценности – первый шаг к этому. Далее для подавления инстинкта к знанию важно лишить человека связанных с ним эмоций. Вербализация невербальных компонентов коммуникации действительно служит достижению этой цели. Несложно заметить, какие трудности в выражении эмоций и эмпатии испытывают люди, зависимые от социальных сетей и выработавшие рефлекс подбора картинок под те или иные языковые паттерны вместо выражения собственных эмоций в ответ на описываемые этими паттернами ситуации.

Итак, затронув проблемы языка, мы неизбежно выходим на мезоуровень медиаэкологии. И это вполне закономерно, ведь медиа больше не ограничивается инструментами передачи сообщения. Формируется особое коммуникативное пространство, социокультурная среда, где медиа непрерывно транслируют информацию и побуждают ее потребителей к реконфигурации этих сообщений. Семиотические коды, обуславливающие направленность интерпретационной активности, также задаются медиа. «Локальная специфика культурных семиосфер» растворяется и заменяется межсемиотическим пространством. Функционирующее в нем «медиатизированное сознание» живет в условиях гибридизации стабильных ранее культурных практик [14].

В условиях медиатизации медиакультура уже перестает восприниматься как подсистема культуры информационного общества, а становится самостоятельной культурной системой с собственной иерархией. Е.И. Кузнецова обращает внимание на присущий ей сложный уровень символических форм, образованный естественным языком и невербальными иконоческими системами. Уровень символической реальности здесь состоит из медиареальности, эстетической реальности, виртуальной реальности [15]. Соответственно, новые слои реальности порождают и новые тенденции в коммуникациях и языке. И, как уже сказано выше, эти тенденции имеют негативную направленность.

Возникает и особое бытие текста, которое А.А. Шмаков определяет как «формально-содержательные коммуникативные трансформации текста», претерпеваемые им в процессе интернет-коммуникации. Адресаты текстов не представляются в реальной действительности, но и не могут быть охарактеризованы как воображаемые [16]. Подобное восприятие бытия текста придает сетевым перепискам как жанру текстов относительную анонимность, большую свободу самовыражения автора, но в то же время усиливает ощущение вседозволенности, порождает условия для нарушения социальных, моральных, а порой и правовых норм.

Следование нормам в среде межличностных медиакоммуникаций превращается в условность, из-за

чего общение нередко приобретает деструктивный характер. Поэтому девиантное коммуникативное поведение в медиaprостранстве становится актуальной проблемой для многочисленных исследований [17]. Происходит это на фоне широкомасштабных изменений ценностных ориентаций, которые из виртуальной реальности проецируются на реальность объективную.

Как справедливо замечает Е.Я. Дугин, информационно-коммуникативная медиасистема распространяет такие ценности, как культ насилия, цинизм, самолюбие, бездумное времяпрепровождение. Искусственно занижаются ожидания молодежи относительно развития личности, межличностное взаимодействие теряет значимость. «Качество человеческого капитала» не столь важно, когда необходимо увеличить рейтинги. А благодаря технологиям кастомизации у потребителей этой информации формируется впечатление, будто контент подобного рода преподносится им в соответствии с их личными потребностями [18]. К тому же, по мнению Е.Г. Ним, цифровые медиа навязывают императив «быть всегда на связи», из-за чего индивид вынужден повышать степень своей доступности, чтобы оправдать коммуникативные ожидания других. При этом он готов жертвовать своими витальными потребностями, попасть в конфликт темпоральностей, где акторы принимают темпы медиа в ущерб своему «внутреннему времени» [19]. Таким образом, мы снова находим подтверждение тому, что горячие медиатехнологии наносят ущерб ценностям, который должна предотвращать фрагментация. И поскольку язык тоже можно рассматривать как ценность, деструктивное воздействие на него социальных сетей в свете сказанного также вписывается в фундаментальную теорию Г.М. Маклюэна.

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать ряд частных выводов, которые помогут сформировать представление о том, как именно социальные сети воздействуют на мышление индивида через разрушение его взаимосвязи с языком, и сформулировать соответствующую медиаэкологическую проблему. Соответственно, решать эту проблему во многом предстоит с применением лингвофилософских концепций и подходов, чтобы учесть все особенности языка как феномена и рассматривать его в неразрывной связи с мышлением человека.

До настоящего времени существовало представление о деструктивном влиянии социальных сетей на мышление человека, но как основная причина чаще всего рассматривалось качество их контента. Однако, как заявил Г.М. Маклюэн, сосредоточиться нужно не на содержании средства коммуникации, а на самом этом средстве. Исходя из концептуальных положений его теории, мы выяснили, что горячие средства коммуникации расширяют сознание, стремятся его ослабить и нанести ущерб основным человеческим ценностям. Установлению информационного контроля и последующей манипуляции массовым сознанием в обычных условиях препятствует так называемый механизм фрагментации. Современные медиа столкнулись с задачей подавления этого «охлаждающего ме-

ханизма», чтобы из коммуникационного инструмента в руках человека трансформироваться в средство его подчинения.

Современные коммуникационные технологии обеспечивают социальное взаимодействие человека с программой, которая обучается прототипировать его, в дальнейшем подменяя его интересы и предпочтения необходимой информацией. У индивида вырабатывается привычка безапелляционно доверять той информации, которую ему предлагают социальные сети. Он переходит в режим распознавания паттернов и больше не предпринимает попытки противостоять информационному перенасыщению с целью осмыслить предлагаемые сведения. Разнообразные движущие силы медиасистем, действуя синергетически, усиливают эффект друг друга. Человек оказывается в информационном плену и ориентируется только на эмоциональные послы, а не на рациональную интерпретацию событий.

И если вернуться к теории Маклюэна, такой процесс полностью соответствует описываемой им «анестезии» – наркотическому воздействию горячей технологии, усыпляющему внимание. Очевидно, что маклюэновского «заражения системы при хирургической операции» еще не происходит, однако для этого подготовлены все условия.

Далее, когда восприятие и мышление перепрограммировано на распознавание паттернов, ослабевает динамическая логика человека, а вместе с ней – и инстинкт к знанию. А поскольку нет необходимости транслировать знания и двигаться к истине, теряет свою ценность язык. Язык и мышление человека существуют в непрерывной взаимосвязи, и если мышление не определяется языком, оно низводится до уровня машинного. Уместно учесть, что социальные сети задают собственные семиотические коды, способствуют вербализации невербальной коммуникации, распространению деструктивного коммуникативного поведения. Языковая личность человека медийного претерпевает негативные трансформации. Наконец, язык дискредитируется и утрачивает статус основной ценности.

И когда языковая личность становится вторичной, мышление оказывается беззащитным перед воздействием социальных сетей как горячих коммуникационных технологий. С этого момента и возможно «заражение», т.е. информационный контроль и последующие манипуляции. Из сказанного становится очевидным, что для сохранения резистентности сознания к деструктивному влиянию горячих медиатехнологий требуется защита языка в его взаимосвязи с мышлением в условиях медиасреды. Следует отметить тот факт, что поскольку медиа – это неотъемлемый элемент современной культуры, бороться с отдельными проявлениями этой среды бессмысленно. Однако достижение продуктивного взаимодействия индивида с этой средой во избежание регресса крайне желательно.

Развивая идею о необходимости поиска путей повышения устойчивости человека к воздействию горячих медиатехнологий, в частности социальных сетей, считаем важным сформулировать основные лингвофилософ-

ские проблемы, которые предстоит решить в рамках медиаэкологии для достижения обозначенной цели.

На микроуровне хотелось бы особо отметить такие проблемы, как негативные изменения языковой личности, навязываемый извне отказ от практики интерпретации, а также девиантное коммуникативное поведение, хотя последнее выходит за пределы лингвофилософии. На мезоуровне основными проблемами нам видятся дискредитация языка как ценности, конвергенция вербальной и невербальной коммуникации как изначально

противоположных явлений, а также деструктивная практика взаимодействия индивида с медиатекстами.

И только когда эти проблемы будут решены и язык, с точки зрения медиаэкологии, будет в безопасности, появятся перспективы для столь ожидаемой коэволюции человека и медиатехнологий. А поскольку лингвофилософии предстоит решать их в принципиально новой среде, правомерно сказать о формировании нового научного направления – медиаэкологической лингвофилософии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.
2. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. Москва ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. 464 с.
3. Болъц Н. Ваше внутреннее вовне и ваше внешнее внутри. Мифический мир электронных медиа / пер. с нем. И. Чубарова и И. Градинари // Логос. 2015. № 2. С. 162–172.
4. Postman N. The Reformed English Curriculum // High School 1980: The Shape of the Future in American Secondary Education / ed. A.C. Eurich, Academy for Educational Development. New York : Pitman Pub. Corp., 1970. 304 p.
5. Fuller M. Media ecologies: materialist energies in art and technoculture. Cambridge : The MIT Press, 2005. 265 p.
6. Strate L.A. Studying Media as Media // Media Tropes. 2008. Vol. I. P. 127–142.
7. Воробьев В.П., Степанов В.А. Проблемное поле медиаэкологии: опыт демаркации научного направления // Весник БДУ. Сер. 4. 2011. № 2. С. 86–90.
8. Aboukacem S., Haas L.E., Winard A.R. Perspectives from Algeria and the United States: Media and News Literacy Perceptions Practices of Pre-service Teachers // International Journal of Media and Information Literacy. 2018. № 3 (2). P. 40–52.
9. Волкова И.И., Лазутова Н.М. Экранные массмедиа и экология человека: от очаровывания к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (212). С. 106–111.
10. Зорин К.А. Медиа система как совокупность «информационных торнадо» // Медиакоп. 2014. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/1655> (дата обращения: 29.12.2018).
11. Терин В.П. В условиях электронного коммуникационного окружения // Вестник МГИМО. 2014. № 6 (39). С. 68–72.
12. Перловский Л.И. Искусственный интеллект: распознавание образов и мышление // Второе дыхание. 2008. № 22.
13. Загидуллина М.В. Ключевые черты медиаэстетики: ментально-языковые трансформации // Челябинский гуманитарий. 2016. № 2 (35). С. 46–54.
14. Анохина В.В. Медиатизация как фактор трансформации социальных пространств и метаморфозы культурных традиций // Философия и социальные науки. 2015. № 3. С. 13–18.
15. Кузнецова Е.И. Медиальность и медиакультура как факторы динамики социальной среды : дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2010. 305 с.
16. Шмаков А.А. Речевые тактики девиантного коммуникативного поведения пользователей сети Интернет // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 293–305.
17. Курьянович А.В. Девиантное речевое поведение пользователей сетевой переписки: факторы дискурсивной обусловленности и формы проявления // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 7 (184). С. 78–86.
18. Дугин Е.Я. Теории среднего уровня в исследованиях информационно-коммуникационных медиасистем // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 1. С. 3–23.
19. Ним Е.Г. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 409–427.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 13 мая 2019 г.

Social Networks' Devastating Effect on the Interrelation Between Language and Thinking in the Context of Media Ecology
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 65–71.

DOI: 10.17223/15617793/444/8

Alina A. Goncharova, Sergiev Posad Humanitarian Institute (Sergiev Posad, Russian Federation). E-mail: lynn-goncharova@mail.ru

Keywords: hot media mechanism; recognition of patterns; language; thinking; media ecology.

This article focuses on the modern hot media's (including social networks') influence on the interrelation between language and thinking. The aim of this article is to analyze the mechanism of social network's devastating impact on thinking by means of influence on language. This modality overview is given based on foreign and Russian publications. Using the theory built by H.M. McLuhan, the author places emphasis on the communication means rather than on their content. She applies the general methods of analysis and synthesis as well as the analog model study technique. Today, we live in an era of media technologies. A new round of their development has come. Media technologies have a strong impact on people. Therefore, there is a relevant research problem. It is quite important to understand their influence on thinking. The trend towards a transition from critical thinking to clip one has been established at the current stage of research. However, the causes and mechanisms of this transformation are still not determined. The author uses a linguistic-philosophical approach to the problem. Thinking in its indisputable interrelation with language is under review in this case. The principal points of McLuhan's theory on hot media are compared to the regular features of modern media's (including social networks') performance. The author also emphasizes that the hot media technology developers learned to inhibit fragmentation mechanism – the so-called psychic rigor mortis whereas this particular mechanism enables the nervous system to resist the hot media's destructive influence. The article treats linguistic-philosophical problems at the micro- and meso-scales of media ecology, describes the destructive effect on language and its consequences for critical thinking. The author emphasizes the depotentiation of consciousness and the damage to traditional values. The work has been carried out at the intersection of two fields – linguistic philosophy and media ecology. Following the approach, the author comes to a conclusion that it is necessary to create a new

cross-disciplinary field of research called media-ecological linguistic philosophy. Such a solution will promote a more thorough study of the problems identified within this investigation and a search of effective ways to protect language in the conditions of media environment.

REFERENCES

1. Gureeva, A.N. (2016) Teoreticheskoe ponimanie mediatizatsii v usloviyakh tsifrovoy sredy [Theoretical understanding of mediatization in the digital environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 6. pp. 192–208.
2. McLuhan, H.M. (2003) *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow; Zhukovskiy: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole.
3. Bolz, N. (2015) Your inside is out and your outside is in — die mythische Welt der elektronischen Medien. Translated from German by I. Chubarov and I. Gradinari. *Logos*. 2. pp. 162–172. (In Russian).
4. Postman, N. (1970) The Reformed English Curriculum. In: Eurich, A.C. (ed.) *High School 1980: The Shape of the Future in American Secondary Education*. New York: Pitman Pub. Corp.
5. Fuller, M. (2005) *Media ecologies: materialist energies in art and technoculture*. Cambridge: The MIT Press.
6. Strate, L.A. (2008) Studying Media as Media. *MediaTropes*. I. pp. 127–142.
7. Vorob'ev, V.P. & Stepanov, V.A. (2011) Problemnoe pole mediaekologii: opyt demarkatsii nauchnogo napravleniya [The problem field of mediaecology: the experience of the demarcation of the scientific direction]. *Vestnik BDU. Ser. 4. 2*. pp. 86–90.
8. Aboukacem, S., Haas, L.E. & Winard, A.R. (2018) Perspectives from Algeria and the United States: Media and News Literacy Perceptions Practices of Pre-Service Teachers. *International Journal of Media and Information Literacy*. 3 (2). pp. 40–52.
9. Volkova, I.I. & Lazutova, N.M. (2017) Screen media and human ecology: from charming to joining. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 12 (212). pp. 106–111. (In Russian). DOI: 10.25198/1814-6457-212-106
10. Zorin, K.A. (2014) Media System as a Complex of “Information Tornados”. *Mediascope – Mediascope*. 4. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/1655>. (Accessed: 29.12.2018).
11. Terin, V.P. (2014) The Electronic Communication Environment Impact. *Vestnik MGIMO – MGIMO Review of International Relations*. 6 (39). pp. 68–72. (In Russian).
12. Perlovskiy, L.I. (2008) Iskusstvennyy intellekt: raspoznavanie obrazov i myshlenie [Artificial intelligence: pattern recognition and thinking]. *Vtoroe dykhanie*. 22.
13. Zagidullina, M.V. (2016) Klyuchevye cherty mediaestetiki: mental'no-yazykovye transformatsii [Key features of media aesthetics: mental and language transformations]. *Chelyabinskiiy gumanitarniy*. 2 (35). pp. 46–54.
14. Anokhina, V.V. (2015) Mediatization as a factor of social sphere transformation and metamorphosis of cultural traditions. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 3. pp. 13–18.
15. Kuznetsova, E.I. (2010) *Medial'nost' i mediakul'tura kak faktory dinamiki sotsial'noy sredy* [Mediality and media culture as factors of social environment dynamics]. Philosophy Dr. Diss. N. Novgorod.
16. Shmakov, A.A. (2015) Speech tactics of deviant communicative behavior of Internet users. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 1. pp. 293–305. (In Russian).
17. Kur'yanovich, A.V. (2017) Deviant speech behavior of the users of the network communication: factors of discourse conditionality and forms of manifestation. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 7 (184). pp. 78–86. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-78-86
18. Dugin, E.Ya. (2017) Middle Range Theories in the Research of Information and Communication Media Systems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 1. pp. 3–23. (In Russian).
19. Nim, E.G. (2017) The (Non)social Construction of Reality in the Age of Mediatization. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 16 (3). pp. 409–427. (In Russian).

Received: 13 May 2019